

63.5
И87

О. ИСМАГУЛОВ

**НАСЕЛЕНИЕ
КАЗАХСТАНА
ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ
ДО СОВРЕМЕННОСТИ**

521146

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

О. ИСМАГУЛОВ

**НАСЕЛЕНИЕ
КАЗАХСТАНА
ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ
ДО СОВРЕМЕННОСТИ**

(ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА-АТА · 1970

В книге впервые собраны и обобщены антропологические данные о древнем и современном населении Казахстана. В ней на широком историческом фоне рассматриваются проблемы трансформации антропологических типов на территории Казахстана и пути становления антропологических особенностей казахского народа. В работе на конкретном палеоантропологическом и краниологическом материале показана глубокая антропологическая связь казахского народа с древним исконным населением края.

Книга, несомненно, заполнит большой пробел по палеоантропологии Казахстана. Она полезна всем, кто интересуется этнической историей казахского народа.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. П. АЛЕКСЕЕВ

521146 КТ

ok

1—6—2
71—70м

152

ВВЕДЕНИЕ

История антропологического развития населения Казахстана исследована лишь в общих чертах. Между тем изучение ее важно для разработки вопросов происхождения и этнической истории казахского народа. Многие существенные стороны его сложного процесса формирования не могут быть решены с достаточной полнотой без учета антропологических данных. Антропологический материал особенно необходим при изучении вопросов этнического и расового состава древних насельников Казахстана, их генетических связей и отношения к современному населению.

При реконструкции антропологического состава древнего населения края, как известно, решающую роль приобретает палеоантропологический и краниологический материал, которого в настоящее время с территории республики накоплено значительное количество. Но так как материалов более ранних периодов очень мало и они относятся к неолитическому времени, то антропологическое изучение древнего местного населения пришлось начать лишь с эпохи бронзы.

Хронологическая непрерывность исследованного материала позволяет решить не только вопросы преемственности расового типа на протяжении трех тысячелетий в Казахстане, но и в какой-то мере воссоздать его основные этапы развития на общем фоне расообразовательного процесса в степной зоне Евразии. В этой связи палеоантропологические и краниологические данные могут оказать неоценимую помощь в изучении истории формирования антропологиче-

ского типа современных казахов и их глубоких этнических корней.

Антропологический анализ современного населения Казахстана позволил выявить глубоко синтезированные черты как европеоидной, так и монголоидной рас в казахском народе. Такая особенность физического облика казахов породила немало взаимодополняющих и порой весьма исключаящих мнений и теорий (Зеланд, 1885; Харузин, 1889, 1895; Деникер, 1902; Ивановский, 1904; Руденко, 1927; Ярхо, 1930, 1936, 1947). Многие из них сейчас представляют лишь исторический интерес. Наибольшее число приверженцев имела теория о смешанном происхождении антропологического типа казахов, согласно которой он сложился в результате смешения двух больших рас — европеоидной и монголоидной. Однако сами сторонники этой теории по-разному представляли процесс смешения и становления антропологического типа казахов.

Одни относят его возникновение к более позднему периоду и считают, что он появился не в том месте, где находится современный район распространения казахского народа. Этот взгляд наиболее четко изложен в трудах А. Н. Харузина (1895). Он не разделял мнения о древности и автохтонности происхождения антропологического типа казахов. Концепция А. Н. Харузина в наши дни данными антропологии не подтвердилась.

Другие, напротив, признают казахов древним и исконным населением края, т. е. считают, что характерный для казахов южносибирский физический тип сложился в процессе многовекового антропологического взаимодействия главным образом древнеказахстанского (андроновского) европеоидного типа с центральноазиатскими монголоидами. Эта теория была выдвинута и поддержана советскими антропологами, в частности Г. Ф. Дебецом (1948, 1952), М. Г. Левиным (1952, 1954, 1955), В. В. Гинзбургом (1952, 1955, 1956, 1958, 1961), Я. Я. Рогинским (1955), Н. Н. Чебоксаровым (1952), Л. В. Опшаниным (1953, 1957) и др.

Эта точка зрения подтверждается данными палеоантропологии Казахстана, исходя из которых истоки антропологического развития казахского народа восходят к древнему аборигенному населению эпохи бронзы. Как свидетельствуют археологические и палеоантропологические данные, население Казахстана в этот период располагалось в центре большой этнокультурной области Евразии и являлось районом распространения обширного антропологического пласта степного типа протоевропейского ствола. Этот факт говорит о том, что древнеказахстанский тип представлял собой цельное антропологическое ядро с единой этнотерриториальной и хозяйственно-культурной областью.

Углубленное изучение вопросов антропологии казахского народа стало возможным лишь после Октябрьской революции. Первые антропологические сведения о населении Казахстана эпохи бронзы содержала работа М. Н. Комаровой, вышедшая в 1927 г. Наиболее всесторонние исследования антропологического состава древнего и современного населения Казахстана связаны с активной научной деятельностью Г. Ф. Дебеца и В. В. Гинзбурга. В их трудах имеются интересные материалы по антропологии населения Казахстана эпохи бронзы и сако-усуньского времени. Но все же некоторые этапы развития антропологических типов на территории Казахстана остались неосвещенными. Накопленные за последние годы палеоантропологические и краниологические материалы в значительной мере восполнили этот пробел. Оказалось возможным сделать некоторые обобщения о древнем и современном населении Казахстана.

Настоящее исследование ставит своей целью определить антропологический состав населения Казахстана на различных этапах исторического развития и их генетическую преемственность, выявить удельный вес европеоидного и монголоидного компонентов, легших в антропологическую основу казахского народа, и установить время формирования расового типа казахов.

В основу данной работы положены палеоантропологические и краниологические материалы, собранные в разных районах Казахстана научными сотрудниками Института истории, археологии и этнографии им. Ч. Ч. Валиханова АН Казахской ССР в 1955—1965 гг. Полученные материалы разновременны. Палеоантропологическая серия эпохи бронзы представлена 14 черепами из разных могильников Центрального и Восточного Казахстана, раскопанных А. М. Оразбаевым в 1957—1960 гг. Археологические изыскания М. К. Кадырбаева в 1957—1962 гг. в Центральном Казахстане дали материал (18 черепов), относящийся к племенам сакского времени. Большая часть материала (65 черепов), которая датируется усуньским временем, взята из раскопок К. А. Акишева в 1957—1965 гг. в Илийской долине. Значительное количество черепов (свыше 35) этого же периода собрано археологами Е. И. Агеевой и А. Г. Максимовой в 1956—1959 гг. в Алма-Атинской области. Довольно хорошая палеоантропологическая серия черепов (около 50) тюркского времени, найденных Ф. Х. Арслановой в 1960—1961 гг., происходит из Павлодарского Прииртышья. Несколько скелетов этого периода выявлено А. М. Оразбаевым в 1957 г. в Восточном Казахстане и Г. В. Кушаевым в 1956, 1961, 1964 гг. — в Семиречье. Краниологический материал монгольского времени незначителен (около 12 черепов) и получен из раскопок А. Г. Максимовой в Алма-Атинской области и М. К. Кадырбаева в Центральном Казахстане.

Сбор остеологического материала по современным казахам производился автором в 1960 г. в составе Центрально-Казахстанской археологической экспедиции. За один полевой сезон было выявлено 263 скелета взрослых индивидуумов. Всего нами изучено 480 черепов древнего и современного населения Казахстана, из них 240 — мужских, 185 — женских и 55 — детских.

Для полноты материала в работе использованы ранее опубликованные данные М. Н. Комаровой, Г. Ф. Дебеца, М. М. Герасимова, В. В. Гинзбурга, Н. Г. Залкинд и Б. В. Фирштейн о древнем и современном населении Казахстана. Весь палеоантропологический и кра­ниологический материал по Казахстану составил 582 черепа. В общую сводку вошли черепа лишь взрослых индивидуумов.

Незначительная часть изученных нами скелетов хранится в Алма-Ате, а большая передана в Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде.

Имеющийся антропологический материал разделен на шесть условных историко-археологических периодов (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение черепов по периодам

Периоды	Количество черепов		
	мужск.	женск.	всего
Бронзовый век (XVII—VIII вв. до н. э.)	15	24	39
Сакское время (VII—IV вв. до н. э.)	40	22	62
Усуньское время (III в. до н. э.—IV в. н. э.)	47	45	92
Тюркское время (VI—XI вв. н. э.)	43	36	79
Монгольское время (XII—XV вв. н. э.)	26	21	47
Новое и новейшее время (XVI—XX вв.)	151	112	263
Итого	322	260	582

Группировка черепов по периодам производилась на основе археологических данных. Некоторые черепа, описанные в опубликованных работах, не включены в общую сводку из-за сомнительного происхождения.

Изучение и обработка антропологического материала проводились по расширенной программе и методике, разработанным Московской школой антропологов (Алексеев, Дебец, 1964).

Считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность покойным профессорам Г. Ф. Дебецу и В. В. Гинзбургу за консультации и полезные советы при выполнении данной работы.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ (XVII—VIII вв. до н. э.)

Для эпохи бронзы в Казахстане характерны памятники так называемой андроновской культуры. Они оставлены в виде поселений, погребений и рудников. Основными занятиями андроновцев были скотоводство и мотыжное земледелие. Они селились по берегам рек и озер, в местах с почвой, пригодной для земледелия. В Казахстане открыто несколько десятков поселений этой культуры. Среди них наиболее интересны поселения близ с. Алексеевка на р. Тобол (Кривцова-Гракова, 1947), Бугулинское и Каркаралинское в Центральном Казахстане (Маргулан и др., 1966). Здесь были добыты богатейшие хозяйственные и бытовые предметы.

Погребения этого времени представлены могильниками, которые состоят из одной или нескольких десятков могил, окруженных круглыми или прямоугольными оградками, сложенными из камня. Умерших укладывали в скорченном положении на левый бок, головой на запад или юго-запад. Встречаются и парные захоронения с покойниками, лежащими скорченно, лицом друг к другу. В могиле оказывался один или несколько ритуальных горшков, а рядом нередко находили медные бусы или бронзовый нож.

Глиняная посуда андроновцев покрыта сложным орнаментом из треугольников, ромбов, меандров и других геометрических фигур. Весь комплекс материалов свидетельствует о высоком хозяйственно-культурном уровне андроновских племен бронзового века Казахстана.

Однако материалы этого периода долгое время оставались хро-

нологически не дифференцированы. Только в 1948 г. К. В. Сальников на основании тщательного анализа керамических изделий и обрядов захоронения удачно классифицировал памятники бронзового века Зауралья (Сальников, 1948). В своей монографии о древней истории Южного Урала К. В. Сальников (1967) разделил андроновскую культуру на три последовательно сменяющих друг друга этапа: федоровский (XVIII—XVI вв. до н. э.), алакульский (XV—XII вв. до н. э.) и замараевский (XII—VIII вв. до н. э.).

Позднее на те же периоды К. А. Акишев (1953) расчленил памятники андроновской культуры Центрального Казахстана, но замараевский этап заменил дандыбайским. Классификацию К. В. Сальникова А. М. Оразбаев (1958) позже распространил на памятники северной части Казахстана. При этом замараевский этап он выделил в самостоятельную культуру в Северном Казахстане. Несколько иную периодизацию бронзового века Центрального Казахстана предложили А. Х. Маргулан и К. А. Акишев. На этой территории они выделяют две самостоятельные археологические культуры эпохи бронзы: андроновскую и бегазы-дандыбайскую. В свою очередь андроновская разделена ими на два этапа: раннеандроновский, названный нуринским, и позднеандроновский — атасуским. По мнению авторов, нуринский и атасуский этапы синхронны и в общих чертах близки по культуре федоровскому и алакульскому этапам Зауралья, а бегазы-дандыбайская культура — карасукской культуре Минусинской котловины (Маргулан, Акишев и др., 1966).

Дробное членение андроновской культуры в Восточном Казахстане дает в своей монографии С. С. Черников (1960). Исходя из особенностей развития прииртышских племен, он разделил весь период эпохи бронзы на четыре хронологических этапа: 1) усть-буконьский (XVIII—XVI вв. до н. э.), 2) канайский (XVI—XII вв. до н. э.), 3) мало-красноярский (XII—X вв. до н. э.) и 4) трушниковский (X—VII вв. до н. э.).

Таким образом, все памятники этого времени разнятся не только по хронологическим этапам, но и этнографическим особенностям в зависимости от территорий их распространения. Следует заметить, что периодизация эпохи бронзы Казахстана окончательно еще не разработана и мнения по этому вопросу до сих пор расходятся. Нет единой точки зрения и в определении как начальной, так и конечной дат андроновской культуры. Но общие рамки андроновской культуры установлены в пределах XVII—VIII вв. до н. э.

Для понимания особенностей исторического развития племен эпохи бронзы в Казахстане не менее важным является изучение проблемы происхождения андроновской культуры. Большая часть ее памятников расположена на территории Казахстана, широко извест-

ны они и за его пределами. В настоящее время выяснено, что ареал этой культуры охватывает территорию от Урала на западе до Енисея на востоке и от городов Курган и Новосибирск на севере до Ферганской долины и Тянь-Шаня на юге. Такая огромная площадь расселения андроновцев не могла не вызвать среди исследователей интереса к появлению этих памятников. Вопрос о генезисе андроновской культуры неоднократно обсуждался, но до сих пор остается нерешенным. Нас интересуют лишь наиболее важные выводы по этой проблеме, которые можно было использовать при антропологической характеристике населения Казахстана того периода.

По вопросу о происхождении андроновской культуры одни исследователи ограничились лишь указанием на то, что Минусинская котловина была восточной периферией этой культуры (Теплоухов, 1929), другие предполагали, что она сложилась на базе афанасьевской культуры Минусинской котловины (Киселев, 1951). Позднее С. В. Киселев (1957) склонился к западному происхождению андроновской культуры.

Иное мнение по этой проблеме у А. А. Формозова. Он считает андроновскую культуру результатом смешения нескольких энеолитических культур: кельтеминарской, южноуральской и афанасьевской (Формозов, 1951). Концепция А. А. Формозова вызвала серьезные возражения у некоторых исследователей (Чернецов, 1953; Черников, 1960).

Весьма оригинальное предположение о генезисе андроновской культуры высказал К. В. Сальников. По его мнению, она формировалась на обширных просторах степной и лесостепной полосы Зауралья, Северного Казахстана и Западной Сибири (Сальников, 1967).

Интересна точка зрения по этому вопросу С. С. Черникова (1957, 1960). Он полагает, что андроновская культура возникла на основе развития неолитических племен северной полосы казахстанских степей и в качестве доказательства указывает на отсутствие резкой границы между культурой неолита и ранней эпохи бронзы и наличие некоторой преемственности в материальной культуре, главным образом в керамике, ее орнаменте, в каменных орудиях и т. д.

В 1963 г. К. А. Акишев сформулировал совершенно новое предположение о происхождении андроновской культуры. По степени скопления памятников и уровню развития материальной культуры эпохи бронзы степного типа он выделил три центра появления андроновской культуры. Первый охватывает Сибирь, Алтай и Восточный Казахстан, второй — Центральный Казахстан, третий — Южное Приуралье, Притоболье и Западный Казахстан (Акишев, Кушаев, 1963). Для подтверждения такого полицентрического происхождения андро-

новской культуры, нам кажется, необходим более обширный археологический материал.

Как вытекает из гипотез, ни одна из них не отрицает вхождения территории Казахстана в область формирования андроновской культуры. Мнения расходятся в основном в оценке роли тех или иных этнических групп в ее возникновении и сложении. Объективное решение данной проблемы во многом зависит как от объема материала по неолиту и эпохе ранней бронзы Казахстана, так и от степени их изученности. В настоящее время недостаточность археологического материала и слабая изученность края еще не позволяют в полной мере убедиться в преемственности культур эпохи бронзы и предшествующего периода Казахстана, хотя в ряде случаев она прослеживается. По всей вероятности, некоторые истоки андроновской культуры восходят к неолиту и эпохе ранней бронзы, ибо не исключено, что такое обширное распространение андроновской культуры на территории Казахстана как основной культуры эпохи бронзы не было подготовлено внутренним ходом исторического развития того времени. Поэтому нет оснований считать, что племена неолита и эпохи ранней бронзы Казахстана находились вне процесса становления андроновской культуры и что она была внесена в Казахстан со смежной территории. Скорее всего, что в Казахстане предандроновские племена не в меньшей мере, чем племена сопредельных территорий, создали условия для появления и широкого распространения андроновской культуры.

Весьма ценные сведения по древней истории Казахстана этого времени содержатся и в палеоантропологических материалах.

Палеоантропологические данные эпохи бронзы в настоящее время невелики. Имеющиеся черепа относятся либо к андроновской культуре вообще, либо к ее позднему периоду. Из-за отсутствия точной датировки палеоантропологический материал невозможно разбить на хронологические этапы андроновской культуры. Лишь один мужской череп из Усть-Нарыма (Восточный Казахстан) датируется неолитическим временем. Этот череп, как и неолитический фрагментарный женский череп, выявленный Е. И. Агеевой и А. Г. Максимова (1959) у с. Железинка Павлодарской области, по мнению В. В. Гинзбурга (1956), имеет афанасьевские черты. Другой женский череп из раскопок И. В. Сеницына у ст. Сайхин (Уральская область) принадлежит к срубной культуре. Он описан Фирштейн (1958) и типологически, как указывает автор, близок к средиземноморскому типу.

Первые палеоантропологические сведения о населении Казахстана бронзового века имеются в работе М. Н. Комаровой (1927), в которой приведены три мужских и четыре женских черепа из бассейна р. Урал. Позднее Г. Ф. Дебец (1948) изучил еще четыре черепа (2 муж-

ских и 2 женских) бронзового века, полученных из бассейна р. Нуры (Центральный Казахстан). Большинство из них плохой сохранности.

Найденный палеоантропологический материал с территории Казахстана позволил Г. Ф. Дебецу установить некоторые характерные признаки физического облика местного населения эпохи бронзы. В этот период, по его мнению, здесь жили племена андроновского варианта протоевропейской расы, представители которых имели массивные мезокранные черепа, низкое и широкое лицо, резко выступающий нос, низкие глазницы, значительно развитое надпереносье. Генетически этот вариант он связал с верхнепалеолитическим кроманьонским типом в широком смысле этого слова. Вместе с тем, исходя из морфологического сходства населения андроновской культуры Казахстана с населением той же культуры Минусинской котловины, Г. Ф. Дебеч (1948) высказал чрезвычайно интересное предположение, что андроновский компонент сложился в степях Казахстана и отсюда проник в Минусинскую котловину.

В литературе имеется антропологическое описание женского черепа андроновского времени, добытого О. А. Кривцовой-Граковой (1948) на р. Тобол, близ Кустаная. Он был изучен и скульптурно реконструирован М. М. Герасимовым. По ряду признаков он близок черепам из бассейна р. Урала и Алтая (Герасимов, 1955).

Небольшой палеоантропологический материал (6 мужских и 8 женских черепов) эпохи бронзы дали раскопки А. Х. Маргулана (1950), К. А. Акишева (1959), А. М. Оразбаева (1958) и С. С. Черникова (1959) в Восточном, Центральном и Северном Казахстане. На основе краниметрического изучения этих черепов В. В. Гинзбург выделил среди них некоторые варианты протоевропейской расы, а также более грацилизированные компоненты, характерные для позднего савромато-сарматского времени. Кроме того, он подчеркнул, что население Казахстана родственно населению не только Южной Сибири и Алтая, но и Заволжья (Гинзбург, 1956, 1958, 1959, 1963).

Довольно интересная серия (3 мужских и 2 женских черепа) эпохи бронзы получена из раскопок В. С. Сорокина (1962) в Тасты-Бутаке, близ Актюбинска. По описанию В. В. Гинзбурга (1962) тасты-бутацкие черепа имеют морфологические особенности, свойственные средиземноморскому варианту.

Новую серию черепов эпохи бронзы дали раскопки, произведенные А. М. Оразбаевым (1959) в 1957—1960 гг. в Карагандинской, Кскчетавской и Восточно-Казахстанской областях.

Летом 1960 г. в Чубартауском районе Семипалатинской области во время сбора краниологического материала по современным казахам нами был обнаружен женский скелет, принадлежность которого к эпохе бронзы не вызывает сомнений. Подтверждением этого служит

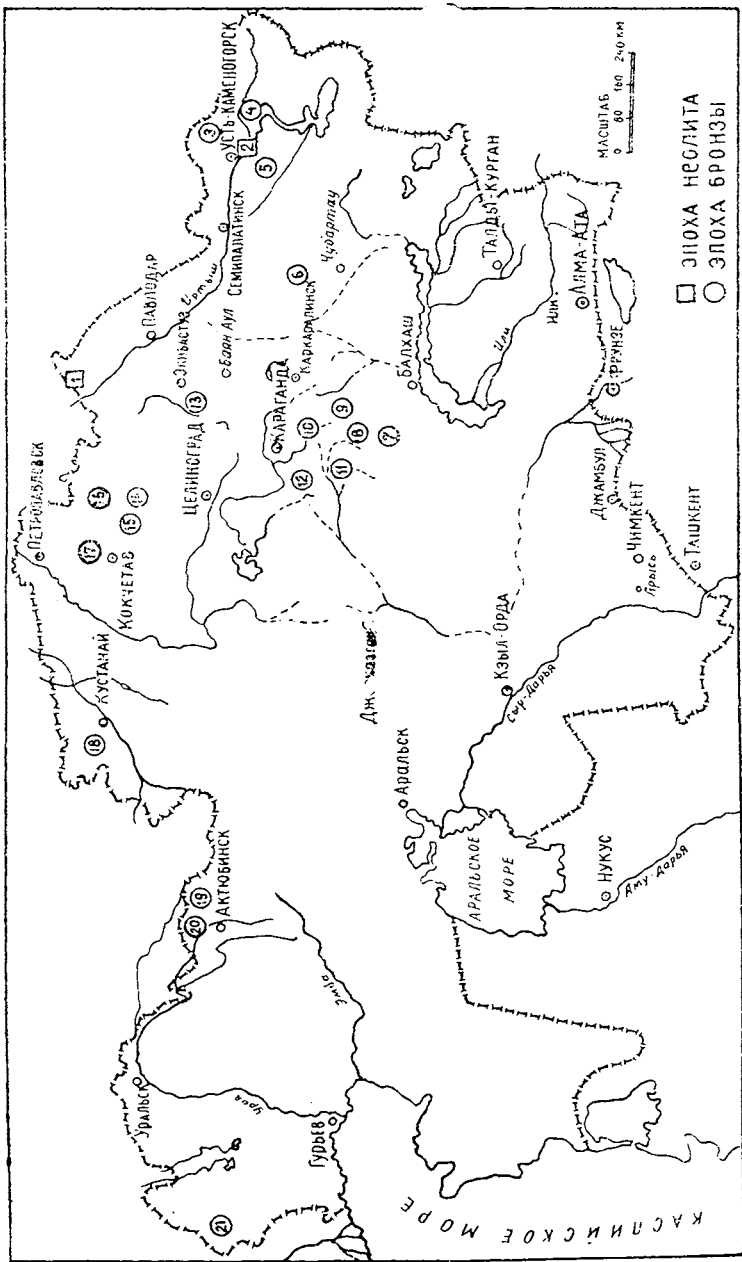

Рис. 1. Местонахождение могильников, из которых получен палеонтологический материал эпохи неолита и бронзы: 1—Железинка; 2—Усть-Нарым; 3—Малокрасноярский; 4—Канай; 5—Караолек; 6—Чубаргау; 7—Канатас; 8—Аркалыкский; 9—Быкылдак; 10—Атасуский; 11—Бельсар; 12—Дандыбай; 13—Нурмакбет; 14—Буйрколы; 15—Обалы; 16—Воровое; 17—Чаглинка; 18—Алексеевка; 19—Тасты-Бутак; 20—Киргилда; 21—Сайхин.

Рис. 2. Мужской череп из могильника Караозек, ограда 2. Везде масштаб $1/4$,
4 натуральной величины (фото автора).

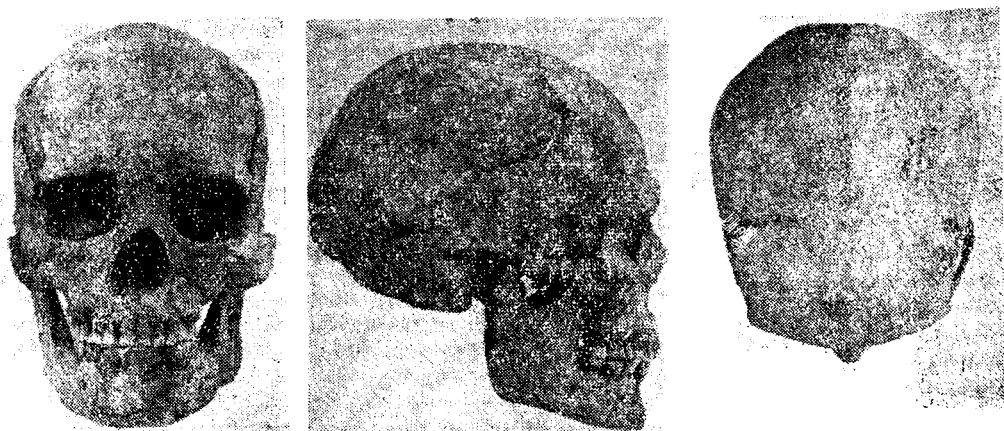

Рис. 3. Мужской череп из могильника Нурманбет, ограда 18.

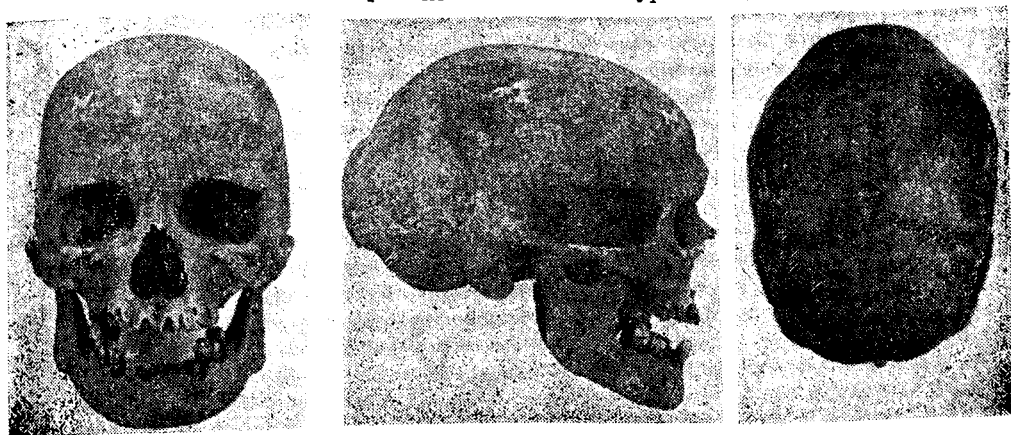

Рис. 4. Мужской череп из могильника Канаттас, ограда 7.

находка глиняного сосуда, который по характеру орнаментации и форме является типичным для андроновского времени. По мнению К. А. Акишева и А. М. Оразбаева, этот сосуд может быть датирован XIII—XI вв. до н. э.

Изученный нами антропологический материал бронзового века составил всего 14 черепов (7 мужских, 6 женских и 1 детский). Данные о них опубликованы (Исмагулов, 1963), мы дадим лишь их общее описание. Весь палеоантропологический материал эпохи бронзы с территории Казахстана составил свыше 30 черепов.

Местонахождение могильников, из которых получен остеологический материал эпохи бронзы, указано на карте (рис. 1).

Прежде чем приступить к рассмотрению материала в целом, познакомимся с тем, что имеется в нашем распоряжении. Эти материалы происходят из Карагандинской, Павлодарской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей.

Краниологический тип, выявленный в могильниках, сравнительно однороден в пределах расы первого порядка. Однако при визуальном определении отдельные черепа можно отнести к различным вариантам большой европеоидной расы. Так, некоторые из них имеют характерные черты средиземноморского типа (женский — ограда 60, Бельсар; мужской — ограда 3, женские — ограды 29 и 40, могильник Нурманбет). Чаще всего он встречается среди погребенных в могильнике Нурманбет. Отмечены черепа и андроновского типа (мужские — ограды 7 и 11, могильник Канаттас; ограда 2, могильник Караозек). На одном черепе довольно хорошо выражены грацилизированные черты расы Среднеазиатского междуречья (женский — могильник Чубартау). Другие черепа трудно дифференцировать по типу.

Согласно расово-типологической характеристике изученных черепов, население Казахстана рассматриваемого периода представляло собой различные варианты древнего европеоидного ствола.

Несмотря на то, что описанные черепа из различных районов Казахстана, они синхронны и относятся к одной андроновской культуре. Это позволило нам составить таблицу их средних величин, чтобы получить общее представление о физическом типе людей, живших в этих местах. Из-за малочисленности женских черепов средние данные вычислены только по мужским. Для мужских черепов характерны мезокrania (78,9), выше среднего продольный (184,5)¹, поперечный (145,0) и высотный (136,5) диаметры мозговой коробки, лоб по ширине стоит на верхней границе средних (98,2), слабонаклонный (87,2) со средневыраженным надпереносьем и значительно развитыми надбровными дугами, затылок средневыступающий, округлой формы.

¹ Абсолютные размеры даны в мм, углы — в градусах.

Лицо средневысокое (71,2), но широкое (138,6), ортогнатное (88,0), среднепрофилированное в горизонтальной плоскости, со средневыступающими скуловыми костями и умеренно углубленными клыковыми ямками. Нос средней высоты (54,7) и ширины (24,7), резко выступающий (34,3) с чрезвычайно большим дакриальным (13,9) и симотическим (6,1) высотными размерами. Орбиты низкие (32,2), среднеширокие и с малыми указателями.

По основным, имеющим высокую таксономическую ценность признакам эта серия относится к европеоидной расе. Сочетание невысокого и широкого лицевого скелета с сильно выступающим носом при слабо наклонном лбе, а также низких орбитах специфично для андроновского типа. В целом исследованные нами черепа наиболее близки синхронным черепам из северных, центральных и восточных районов Казахстана, описанных В. В. Гинзбургом (1956 а, 1956 б, 1962).

Для сравнений физического типа населения Казахстана эпохи бронзы с синхронным населением сопредельных областей мы собрали все черепа этой эпохи в единую серию. В нее вошли палеоантропологические материалы М. Н. Комаровой (1927), Г. Ф. Дебеца (1948), М. М. Герасимова (1955), В. В. Гинзбурга (1956 а, 1956 б, 1962) и автора. В результате получилась довольно большая для территории Казахстана серия черепов (15 мужских и 24 женских), для которых характерны черты андроновского варианта протоевропейской расы.

Для определения места серии черепов андроновской культуры Казахстана среди других черепов энеолита и эпохи бронзы составлена таблица 2. В ней приведены палеоантропологические материалы Средней Азии (Трофимова, 1961; Гинзбург, 1961), Южной Сибири (Алексеев, 1961), Алтая (Алексеев, 1961) и Нижнего Поволжья (Дебеч, 1948; Гинзбург, 1959; Чтецова, 1960; Фирштейн, 1961).

Надо отметить, что приводимые в таблице 2 средние величины дальверзинской серии черепов получены из средних данных женских черепов, которые из-за отсутствия мужских черепов в этой серии подсчитаны по методу Г. Ф. Дебеца (1961), т. е. женские размеры переведены на мужские.

При сопоставлении материалов нетрудно заметить, что исследуемая серия черепов эпохи бронзы резко отличается от черепов из Кара-тепе и Геоксюра по строению мозговой коробки и лицевого скелета. Если серия черепов культуры крашеной керамики характеризуется ясно выраженной долихокранией, мезогнатным, узким лицом, сильно профилированным в горизонтальной плоскости, то черепа андроновской культуры Казахстана имеют значительно более высокий черепной указатель, ортогнатное, относительно низкое и широкое лицо, несколько большие назо-малярный и зиго-максиллярный углы. Это и другое говорит о различных корнях расогенеза сопоставляемых групп.

**Сравнение мужских черепов андроновской культуры Казахстана
Сибири, Нижнего**

Номер по Мартину	Признаки	Культура	Культура крашеной керамики		Афанасьевская культура	
		Территория	Кара-тепе и Геоксюр	Дальверзин ¹ (Фергана)	Минусинская котловина	Алтай
		Автор	Гинзбург и Трофимова	Гинзбург	Алексеев	
1	Продольный диаметр		195,6(16)	190,6	192,1(18)	191,7(16)
8	Поперечный диаметр		135,8(16)	136,7	144,1(16)	142,4(16)
17	Высотный диаметр (от базиса)		143,2(8)	137,7	132,6(13)	140,2(13)
9	Наименьшая ширина лба		95,7(17)	97,5	99,7(21)	100,7(19)
5	Длина основания черепа		106,7(7)	101,0	104,2(11)	107,7(13)
8:1	Черепной указатель		69,6(16)	71,7	75,3(16)	74,4(16)
40	Длина основания лица		101,4(7)	94,8	99,8(9)	104,1(11)
48	Верхняя высота лица		72,1(18)	71,8	71,8(12)	71,7(17)
45	Скуловой диаметр		129,8(18)	132,7	138,4(10)	141,6(16)
40:5	Указатель выступания лица		95,1(7)	93,9	96,5(9)	96,6(11)
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель		50,8(8)	52,1	55,3(10)	52,0(13)
48:45	Верхний лицевой указатель		55,6(18)	54,1	52,3(10)	50,9(15)
77	Назо-малярный угол		134,1(17)	138,3	137,6(10)	138,3(10)
< 2m'	Зиго-максиллярный угол		125,9(17)	125,5	128,7(10)	128,0(7)
DC	Дакриальная ширина		22,22(8)	22,4	22,2(7)	20,6(7)
DS	Дакриальная высота		13,57(8)	10,9	14,0(7)	13,2(7)
DS:DC	Дакриальный указатель		61,7(8)	49,5	63,3(7)	64,4(7)
SC	Симотическая ширина		10,50(7)	10,0	9,2(9)	7,6(7)
SS	Симотическая высота		5,67(7)	5,2	5,5(9)	4,5(7)
SS:SC	Симотический указатель		54,8(7)	49,5	59,5(9)	59,3(7)
54	Ширина носа		26,6(17)	25,2	26,1(13)	27,1(15)
55	Высота носа		51,3(17)	50,3	52,1(12)	53,1(15)
54:55	Носовой указатель		51,9(17)	50,3	50,3(12)	51,1(15)
51a	Ширина орбиты от d		40,8(13)	42,3	41,8(11)	41,7(15)
52	Высота орбиты		32,2(16)	33,0	32,9(13)	32,3(16)
51:52	Орбитный указатель от d		75,2(16)	78,6	73,6(9)	73,9(7)
32	Угол профиля лба		83,2(13)	84,9	75,1(10)	81,6(13)
72	Общий угол лица		83,9(13)	82,0	86,1(10)	84,4(12)
75(1)	Угол выступания носа		31,3(9)	33,4	32,7(10)	31,7(11)
	Надпереносье (1—6)		3,35(17)	—	3,86(22)	4,00(19)

¹ Серия составлена из 9 женских черепов в пересчете на мужские.

² Вычислены из средних данных.

с некоторыми сериями черепов неолита и бронзы с территории Южной Поволжья и Средней Азии

Андроновская культура		Срубная культура	Катакомбная культура	Древнейшая культура	Тазабагъябская культура
Минусинская котловина	Казахстан	Нижнее Поволжье (степная полоса)			Кокча 3
	Комарова, Дебец, Гинзбург, Исмагулов	Дебец, Гинзбург, Чтецова, Фирштейн			Трофимова
187,2(22)	185,4(16)	188,6(41)	188,2(16)	191,6(21)	186,1(13)
145,0(22)	141,5(16)	138,4(38)	143,5(16)	142,2(21)	138,1(13)
138,7(21)	136,8(9)	136,2(21)	138,0(9)	136,2(11)	141,1(10)
100,9(23)	97,6(16)	97,8(40)	97,3(17)	98,5(21)	98,4(13)
106,3(21)	104,9(8)	107,1(21)	104,8(10)	107,2(10)	105,4(11)
77,5(22)	76,4(16)	73,5 ²	76,2 ²	74,2 ²	74,4(13)
101,4(19)	100,8(8)	102,0(17)	99,5(10)	102,1(17)	99,4(10)
68,3(20)	68,3(15)	70,3(32)	70,5(16)	71,6(18)	68,4(14)
141,5(20)	137,4(13)	136,6(33)	137,5(13)	140,2(16)	133,4(13)
96,3(19)	96,1(8)	95,3 ²	95,0 ²	95,2 ²	95,6(10)
49,2(20)	50,0(9)	51,6 ²	51,3 ²	52,6 ²	47,7(10)
48,1(19)	50,5(12)	51,5 ²	51,2 ²	51,1 ²	51,4(13)
139,2(18)	138,1(11)	137,0(27)	139,0(17)	137,8(11)	137,2(11)
128,1(8)	127,3(19)	128,3(19)	125,9(13)	126,4(10)	129,6(8)
22,3(17)	21,8(9)	21,45(15)	22,65(9)	22,54(5)	22,12(4)
13,4(17)	13,51(9)	14,15(15)	15,28(9)	14,16(5)	14,20(4)
62,1(17)	62,4(9)	65,8 ²	67,3 ²	62,8 ²	65,7(4)
9,1(18)	9,6(18)	8,60(19)	9,36(14)	8,49(12)	9,62(9)
4,7(18)	5,45(10)	4,98(19)	5,48(14)	4,89(12)	5,83(9)
53,7(18)	60,2(10)	57,9 ²	58,5 ²	57,5 ²	61,7(9)
26,1(20)	24,4(15)	25,4(30)	25,7(17)	25,6(19)	23,5(13)
50,5(20)	51,9(15)	51,9(30)	52,7(16)	53,1(19)	51,5(13)
51,7(20)	49,3(15)	49,0 ²	48,7 ²	51,0 ²	45,7(12)
42,2(20)	40,3(14)	—	—	—	40,1(8)
31,7(19)	32,0(17)	32,0(33)	32,3(13)	31,8(18)	30,9(15)
70,9(19)	79,0(13)	74,2 ²	73,8 ²	73,1 ²	71,9(14)
83,3(16)	86,1(12)	81,4(26)	80,2(13)	79,5(15)	80,3(11)
85,5(17)	86,1(12)	85,9(25)	85,9(12)	84,4(13)	82,9(11)
31,9(16)	31,4(13)	33,9(23)	37,4(11)	35,6(13)	30,7(8)
3,86(21)	3,22(18)	3,61(42)	3,86(21)	3,43(21)	3,21(14)

521146

Аналогичная картина наблюдается также при сравнении с сериями черепов из Дальверзина. Это вполне понятно, потому что черепа из Дальверзина, как и черепа из Кара-тепе и Геоксюра, относятся к средиземноморскому типу (Гинзбург, 1962 а).

Сравнение древнеказахстанских черепов с афанасьевскими черепами Минусинской котловины показывает, что у исследованных нами черепов мозговая коробка значительно выше, черепной указатель несколько больше, лицо чуть меньше, лоб более прямой и выступание носа несколько меньше. Наиболее существенна разница в высоте мозговой коробки и наклоне лба. По остальным признакам различия между группами невелики. Некоторое морфологическое сходство наша серия обнаруживает также с черепами афанасьевской культуры Алтая, отличаясь от них лишь несколько узким и низким лицом, а также меньшим углом выступания носовых костей. В общем древнеказахстанские черепа родственны черепам афанасьевской культуры Алтая, но у наших групп лицо несколько уже и ниже, и меньше угол выступания носовых костей. В целом древнеказахстанские черепа ближе к черепам афанасьевской культуры Алтая, чем из Минусинской котловины.

Ни одна краниологическая серия из сопоставленных групп не обнаруживает такого антропологического сходства с исследуемыми черепами, как черепа андроновской культуры из Минусинской котловины. Морфологически они так близки друг другу, что их сходство доходит до полного тождества. Аналогичная картина наблюдается и на археологическом материале. Общность культуры и физического типа, несомненно, свидетельствует о единстве их расогенетических основ.

Чрезвычайная близость материальной культуры и морфологического облика андроновцев Казахстана и Минусинской котловины поставила перед исследователями вопрос об их первоначальном ареале. Формировалась ли андроновская общность на территории Казахстана, а затем распространилась на Минусинскую котловину, или наоборот — до сих пор не выяснено. По данному вопросу большинство антропологов разделяют точку зрения Г. Ф. Дебеца, высказанную им тридцать с лишним лет назад, согласно которой андроновский вариант протоевропейской расы формировался в степях Казахстана, на территории же Минусинской котловины он является типом западного происхождения (Дебец, 1948). К такому выводу он пришел на основании изучения черепов афанасьевской и андроновской культур Минусинской котловины.

Краниологический анализ показал, что эти группы не имеют генетической преемственности, что выразилось главным образом в строении лицевого скелета и отчасти в рельефе черепа. Так, у более

поздних черепов андроновской культуры лицо ниже и шире, а рельеф черепа сильнее, чем у более ранних черепов афанасьевской культуры. Следовательно, на одной территории различия между двумя сериями черепов развивались в противоположных направлениях, тогда как в случае антропологической преемственности можно было ожидать иного, ибо в процессе эпохальной изменчивости лицо становится уже, рельеф черепа уменьшается и в целом он приобретает грациальный вид. Однако этого на черепах андроновской культуры не обнаруживается. Поэтому вполне возможно, что андроновцы не были непосредственными потомками афанасьевцев Минусинской котловины (Дебеч, 1948). Вероятно, степные просторы Казахстана были той областью, где действительно происходил процесс формирования андроновского варианта протоевропейской расы. Археологические данные также подтверждают это предположение, хотя некоторые археологи по вопросу о происхождении андроновцев высказывали и другие взгляды, о которых мы уже говорили.

При сопоставлении древнеказахстанцев с синхронным населением степной полосы Нижнего Поволжья оказывается, что по типу они родственны племенам срубной культуры. По ряду признаков они сближаются с племенами более ранней, древнеямной культуры. От черепов древнеямной культуры черепа срубной культуры отличаются резко выраженной мезокранией, относительно низким и узким лицом, значительно более прямым лбом, менее выступающим носом. В отличие от черепов срубной культуры рассматриваемая серия характеризуется более высоким черепным указателем, несколько более прямым лбом и менее выступающим носом. По остальным признакам их общее морфологическое сходство вполне очевидно.

Такое сходство антропологического типа населения Казахстана с населением Нижнего Поволжья в бронзовую эпоху указывает на их генетическую общность. Это подтверждают и археологические данные. Что касается черепов катакомбной культуры, то им свойственно несколько более профилированное лицо на уровне зиго-максиллярной точки, более высокий дакриальный указатель, очень сильно выступающий нос по сравнению с черепами андроновской культуры Казахстана. С древнеказахстанцами они менее сходны, чем с племенами срубной и древнеямной культур.

Наконец, средние размеры черепов андроновской культуры были сопоставлены со средними величинами черепов из могильника Коча 3, относящихся к тазабагъябской культуре. В отличие от последних у черепов исследуемой серии мозговая коробка несколько ниже, наклон лба гораздо слабее, лицо значительно шире, ортогнатное, носовой указатель намного больше и орбиты несколько выше. Наиболее

общим для них являются линейные размеры черепной коробки, верхняя высота лица, степень профилированности в горизонтальной плоскости и высотные размеры переносья. Черепа андроновской культуры по основным морфологическим признакам обнаруживают близкое сходство с черепами тазабагьябской культуры, что, вероятно, объясняется общностью происхождения. У отдельных черепов из Кокча З Т. А. Трофимова отмечает некоторые своеобразные черты, которые не характерны для населения степной полосы эпохи бронзы. По ее мнению, эта особенность связана с индодравидоидным расовым типом (Трофимова, 1961). Такая примесь в антропологическом типе насельников Южной Акчадаринской дельты свидетельствует не только о сложных этногенетических процессах народов Средней Азии, но и вскрывает глубокие корни их этнической связи с древним Востоком. Несмотря на это, в целом черепа бронзового века Казахстана наиболее сходны с черепами тазабагьябской культуры.

Прежде чем говорить об итогах сопоставления групп по средним величинам, мы обратимся к общим индексам уплощенности лицевого скелета как важному показателю, основанному на таксономически высокой ценности признаках. Средний индекс уплощенности лица нами вычислен по методу Г. Ф. Дебеца (1961, 1968). По степени уплощенности лицевого скелета, сравниваемые группы распределяются в таком порядке:

катакомбная культура степной полосы Нижнего Поволжья	$-6,0 \pm 4,6$
культура крашеной керамики Туркмении (могильники Кара-тепе и Геоксюр)	$1,0 \pm 3,8$
древнеямная культура степной полосы Нижнего Поволжья	$2,2 \pm 5,4$
афанасьевская культура Минусинской котловины	$2,6 \pm 5,1$
срубная культура степной полосы Нижнего Поволжья	$2,8 \pm 3,4$
афанасьевская культура Алтая	$5,6 \pm 5,6$
тазабагьябская культура Хорезма (могильник Кокча 3)	$12,5 \pm 5,7$
андроновская культура Казахстана	$13,6 \pm 4,5$
андроновская культура Минусинской котловины	$16,2 \pm 3,7$

По общему показателю уплощенности лицевого скелета исследуемая серия очень близка к черепам из Кокча 3 и андроновской культуры Минусинской котловины. Наиболее значительно она отличается от черепов катакомбной культуры.

Эта разница настолько велика, что выходит за пределы трех сигм, чего не было при сопоставлении по средним величинам. По данному индексу черепа катакомбной культуры сильно разнятся даже с черепами древнеямной и срубной культур, несмотря на общность территории. В связи с этим кажется более вероятной гипотеза Г. Ф. Дебеца (1948) о распространении в южнороссийских степях катакомбной культуры в результате миграции извне. Независимо от

решения этого вопроса обращают на себя внимание существенные различия в строении лицевого скелета населения катакомбной и андроновской культур.

Таким образом, после сопоставления расовых типов Казахстана и сопредельных областей не остается никаких сомнений, что население эпохи бронзы этой территории обладало ярко выраженными чертами большой европеоидной расы. Генетически оно имело много общего с населением Южной Сибири и Приаралья. Следует отметить и некоторую антропологическую близость между древнеказахстанскими племенами и племенами срубной и древнеямной культур Нижнего Поволжья. Судя по нашим материалам, андроновский компонент протоевропейской расы был значителен среди местных насельников Казахстана. Поэтому в течение длительного периода этнической истории Казахстана он был важнейшей основой в расогенетическом процессе местных племен. Вместе с тем надо сказать, что при внимательном рассмотрении всех черепов этой эпохи обнаружена антропологическая неоднородность древнеказахстанцев. Не исключено, что с накоплением палеоантропологического материала в их составе в дальнейшем можно будет выделить другие варианты протоевропейской расы.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕРЕПОВ САКСКОГО ВРЕМЕНИ

(VII-IV вв. до н. э.)

В эпоху раннего железа в Казахстане была распространена культура сакских племен. Она условно может быть разделена на два периода — сакский (VII—IV вв. до н. э.) и усуньский (III в. до н. э.—IV в. н. э.). Саки и усунь составляют единую этно-культурную общность и являются носителями ее лишь в разные периоды существования сакских племен (Воеводский, Грязнов, 1938; Бернштам, 1952; Толстов, 1960, 1963; Акишев, Кушаев, 1963). Поэтому целесообразно рассмотреть их в отдельности по периодам, чтобы иметь более четкое представление об изменении антропологического состава на разных этапах их расогенетического развития.

Памятники сакского времени представлены в основном курганными могильниками. По размерам насыпей курганы сакской культуры чрезвычайно разнообразны, иногда они бывают в диаметре более 100 м и высотой около 20 м. Именно такими являются курганы могильника Бешатыр в долине р. Или (Акишев, Кушаев, 1963).

Наиболее распространены курганы средних размеров, сложенные из камня, встречаются также с земляной или щебеночной насыпью.

Курганы сакского времени различны и по конструкции. В этой связи следует упомянуть так называемые курганы с каменными выкладками в виде «усов», которые широко распространены в Центральном Казахстане. Правда, эти своеобразные сооружения возводили и в усуньское время (Кадырбаев, 1959, 1962, 1966).

Изучение погребений племен сакского периода показало, что покойников хоронили в грунтовой яме (Центральный Казахстан) или в

каменном ящике (Семиречье), нередко в срубе (Семиречье) в вытянутом положении, на спине, часто головой на запад, иногда на север и северо-запад. Погребальный инвентарь не очень богат, но достаточно выразителен. Это наконечники стрел, конские удила и некоторые предметы искусства в так называемом зверином стиле.

В целом племена сакской культуры Казахстана в хозяйственно-культурном отношении имеют много общего с синхронными племенами Южной Сибири, Алтая и Средней Азии.

Палеоантропологического материала сакского времени намного меньше, чем археологического. Черепа из бассейна р. Нуры (Центральный Казахстан) были изучены Г. Ф. Дебецом (1948), который считает, что они принадлежали представителям андроновского варианта. К ним следует отнести еще два мужских и два женских черепа из той же местности, описанные В. В. Гинзбургом (1956).

Несколько скелетов сакского времени имеются с территории Восточного Казахстана. Еще в 1910 г. В. И. Каменским были выявлены три мужских и один женский череп. По мнению Г. Ф. Дебеца (1948), для мужских черепов характерны андроновские черты, а для женского — некоторые монголоидные признаки. Эти черепа были изучены нами вновь, чтобы получить дополнительные измерительные данные по некоторым признакам, которые в свое время не вошли в программу Г. Ф. Дебеца.

Многолетние раскопки С. С. Черникова в Восточном Казахстане дали небольшое количество костяков сакского времени. Эти материалы (8 мужских и 6 женских черепов) были описаны В. В. Гинзбургом. Большую часть черепов он отнес к андроновскому типу, а на некоторых отметил незначительную примесь монголоидной расы. Аналогичные морфологические особенности имеют черепа, выявленные в северо-восточной части республики (Гинзбург, 1961 а, 1961 б, 1963). Этим исчерпываются опубликованные материалы по антропологии Казахстана сакского времени.

Новый палеоантропологический материал этого времени невелик — всего 19 черепов (13 мужских и 6 женских). Большая часть из них происходит из своеобразных памятников Центрального Казахстана — так называемых курганов с «усами» (Исмагулов, 1970). Изученные нами черепа были представлены К. А. Акишевым (1963) из Семиречья, Ф. Х. Арслановой (1964) из Павлодарского Прииртышья и М. К. Кадырбаевым (1966) из Центрального Казахстана. К сожалению, сохранность доставленных ими костяков очень плохая. Только после реставрационных работ некоторые из них стали пригодны для антропологических исследований. Поэтому небезынтересно их индивидуальное описание.

Могильник Кзылауз 1, выявленный Семиреченской археологической экспедицией под руководством К. А. Акишева, расположен на правом берегу р. Или. Он датируется IV в. до н. э. Антропологический материал, полученный из него, малочислен, всего 4 черепа (2 мужских и 2 женских).

Курган 1, южная яма. Череп значительно поврежден (сломаны носовые косточки, разрушены орбиты и часть альвеолярной дуги), он принадлежал мужчине зрелого возраста. Мозговая коробка средних размеров, грацильная, эллипсоидной формы, долихокранного типа (70,4). Лоб как по ширине (94), так и по степени наклона относится к средней категории. Надпереносье довольно сильно развито, надбровные дуги выражены средне. Лицо среднеширокое (134) и низкое (67), ортогнатное, среднепрофилированное в горизонтальной плоскости (132,5), со среднеуглубленными клыковыми ямками. Нос, видимо, выступал сильно, так как корень его западает глубоко, грушевидное отверстие узкое (23), его нижний край антропинной формы. Орбиты средневысокие (33). Череп европеоидного типа.

Курган 4. Череп с нижней челюстью, плохой сохранности и реставрирован лишь частично. Он принадлежал мужчине, по-видимому, зрелого возраста. Мозговая коробка крупных размеров, массивная, с сильноразвитым рельефом, сфероидной формы, брахикранного типа. Лоб очень широкий (109) и слабопокатый. Надпереносье и надбровные дуги выражены слабо. Лицо средней высоты (71) и ширины (135), резко профилированное в горизонтальной плоскости (123), с умеренно углубленными клыковыми ямками. Нос резко выступающий (40) и очень широкий. Нижний край грушевидного отверстия имеет предносовые ямки. Орбиты средневысокие, переходной формы. Череп европеоидный.

Курган 7, южная яма, верхний костяк. Сохранилась только лицевая часть с нижней челюстью. Женский череп, зрелого возраста. Лоб, по-видимому, средненаклонный, со слабовыраженными надпереносьем и надбровными дугами. Лицо средней ширины (126) и высоты (67), слабопрофилированное в горизонтальной плоскости, со значительно углубленными клыковыми ямками. Нос выступает сравнительно резко (25), грушевидное отверстие средней ширины, его нижний край имеет предносовые ямки. Значительно выражен альвеолярный прогнатизм. Орбиты средней высоты (34), переходной формы. Череп европеоидного типа.

Курган 9. Сохранились фрагменты черепной крышки и лицевого скелета с нижней челюстью. Череп принадлежал женщине старческого возраста. Мозговая коробка овоидной формы, по-видимому, брахикранного типа. Надпереносье и надбровные дуги выражены слабо. Лицо высокое (72) и широкое (136), значительно профилированное